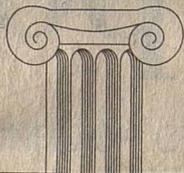

— Врание МН.

колонка Аллы Латыниной

Преодоление

На прошлой неделе хоронили Семена Израилевича Липкина. Кончина его была легкой, как у праведника: вышел погулять в солнечный мартовский день, каким-то образом ускользнув от постоянной опеки жены, Инны Львовны Лиснянской (солнышко на улице поманило), сделал несколько шагов — и ушел навсегда. Смерть его не поразила безвременностью: как-никак девяносто второй год.

Похороны оказались событием внутрилитературным. Нет, все достойно: малый зал Дома литераторов был битком набит, и гроб завалили цветами, речи были искренни и точны, и место на переделкинском кладбище оказалось высоким и сухим, а поминали его в том самом обеденном зале переделкинского дома творчества, где каждый стол, кажется, его помнит. Но мне вспоминалось нехотая, что когда Липкину присуждали Пушкинскую премию фонда Альфреда Тенфера, то на банкете присутствовало куда больше народа, и скользившие меж публики телевизионщики нацеливали объективы на физиономии известных политиков, государственных деятелей, режиссеров и актеров. «Хорошо, что здесь нет этой политической шпаны», — произнес Станислав Рассадин на поминках, отвечая, видимо, на немой вопрос, вертевшийся не только в моем мозгу: «Где же те люди, что чествовали его недавно?».

«Мы хороним последнего великого поэта двадцатого века», — сказал Евгений Рейн уже на поминках, когда пафос публичных слов обычно уступает место благодарной человеческой памяти.

Может быть. Хотя места на поэтическом Олимпе не современниками распределяются. Великий, значительный, крупный, выдающийся — подходящие эпитеты подберет

«Среди шутов, среди шутих / Разбойных, даровитых, пресных / Нас было четверо иных, / Нас было четверо безвестных» — так начинается стихотворение Липкина «Квадрига» (тут можно уловить своего рода полемическую переключку со знаменитым пастернаковским «Нас мало, нас может быть трое...»). Арсений Тарковский, Аркадий Штейнберг, Мария Петровых, Семен Липкин — все они начинали печататься как поэты, и у всех четверых оказалась трудная литературная судьба. «Само вещество наших стихов было чуждо тому, что печаталось», — пишет Липкин в «Автобиографии». В тридцатых годах поэт Георгий Шенгели привлек всю четверку к поэтическим переводам.

О переводческой деятельности Липкина в недавних некрологах говорится в «высоком штиле». Дмитрий Шушарин считает, что своими переводами восточных эпосов Липкин «работал на будущее — создавал основы будущего международного, межкультурного и межцивилизационного диалога».

Сам же Семен Израилевич никогда не скрывал, что начал переводить ради заработка. Вот, скажем, в одном из интервью 2000 года ему задают вопрос, почему он занялся переводами. «Потому что Шенгели стал редактором «Народов СССР» в Гослитиздате», — отвечает Липкин, — и мы стали работать, так сказать, для пропитания». «А почему именно восточные переводы?» — спрашивает интервьюер. «Потому что Шенгели ведал «народами СССР», — простодушно, но не без иронии, отвечает Липкин. «Вас тогда интересовала наиболее ранняя поэтическая культура?» — добивается собеседник желаемого ответа. Но Семен Израилевич, не нуждающийся ни в каком приукрашивании биографии, словно не замечает подсказки. Да, древняя культура Востока для переводчика «настоящий подарок», соглашается он.

«Но обычно попадались советские стихи, которые никакого художественного значения не имели. Нужно было только аккуратно, чисто это делать».

И таких «чистых, аккуратных» переводов советской муры у Семена Израилевича предостаточно. Другое дело, что добросовестность заставила Липкина изучить историю и культуру Востока, выучить фарси, что переводы классики, Фирдоуси и Навои, калмыцкого эпоса «Джангар», киргизского — «Манас», татарского — «Едигей», индийской «Махабхараты» делались им с высоким профессионализмом и ответственностью.

Это была престижная и чрезвычайно высоко (даже не по советским меркам) оплачиваемая работа. Но, как говорит сам Липкин, подобный успех не освобождал от «мучительного чувства», что собственные стихи проваливаются в «глухую пустоту».

Когда Липкин и Лиснянская приняли участие в альманахе «Метрополь», а затем, «усугубив» свою вину, вышли из Союза писателей СССР, многие вполне благожелательно настроенные к ним люди думали, что вскоре последует их отъезд. Но они остались. Работы уже не было, печататься не позволялось, даже старые переводы Липкина заказывались заново. То, что его начали тогда широко издавать на Западе, — это закономерно. Это политика. А вот поздний творческий взлет — вовсе не производное от диссидентства:

«Если в воздухе пахло землею / Или рвался снаряд в вышине, / Договор между Богом и мною / Открывался мне в дымном огне. / И я шел нескончаемым адом, / Телом раб, но душой господин, / И хотя были тысячи рядом, / Я всегда оставался один», — это часто цитируемое стихотворение 1946 года хочется вспомнить, рассуждая о жизненном пути поэта. Он был «извилист и тяжел», по его же словам, но это был путь «исполнения договора с Богом», путь преодоления и восхождения. «Но смерть есть только вид познания, / Тот, кто родился, не умрет», — это уже из позднего стихотворения Липкина, написанного в 1987 году. Этой цитатой и закончу.

8.04.03.

Липкин Семен
Израилевич